

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Зборнік практыкаванняў па беларускай мове: дапаможнік: у 3 ч. Ч. 1. Фанетыка, арфаэпія, графіка, фразеалогія / Г. Ф. Андарала [і інш.]; пад агул. рэд. С. К. Бердніка. – Мінск: БДПУ, 2007. – 75 с.
2. Зборнік практыкаванняў практыкаванняў па беларускай мове: дапаможнік: у 3 ч. Ч. 3. Марфэміка. Словаўтварэнне. Марфалогія / Г. Ф. Андарала [і інш.]; пад агул. рэд. С. К. Бердніка. – Мінск: БДПУ, 2008. – 130 с.
3. Зборнік практыкаванняў па беларускай мове: дапаможнік: у 3 ч. Ч. 3. Сістаксіс / Г. Ф. Андарала [і інш.]; пад агул. рэд. С. К. Бердніка. – Мінск, 2009. – 22 с.
4. Іўчанкаў, В. І Беларускае арфаграфія: апавяданні і гісторыі / В. І. Іўчанкаў. – Мінск: Пачатковая школа, 2010. – 302 с.
5. Козаков, В. А. Самостоятельная работа студентов и её информационно-методическое обеспечение: учеб. пособие / В. А. Козаков. – Киев: Выща шк., 1990. – 248 с.
6. Пионова, Р. С. Педагогика высшей школы: монография / Р. С. Пионова. – Минск: БГПУ им. М. Танка, 2001. – 250с.

УДК 1

О КРИТЕРИЯХ ИСТИННОСТИ ИСТОРИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

В. Ф. Берков

Республиканский институт высшей школы,
г. Минск, Республика Беларусь

В статье обосновывается тезис, согласно которому в качестве критерия истинности отображения хода истории выступает совокупность ценностей, совпадающих с интересами и ожиданиями всего человечества в данную эпоху.

Ключевые слова: истина, правда, критерий истинности исторического знания.

ON THE CRITERION OF THE TRUTH OF HISTORICAL KNOWLEDGE

The article substantiates the thesis that as a criterion of the truth of history display appears a set of values that coincide with the interests and expectations of all mankind in this era.

Keywords: truth, however, the criterion of the truth of historical knowledge.

Едва ли не ключевой, но дискуссионный вопрос, который встал перед современной историографией, – это вопрос об истинности познавательных результатов. Он является, в частности, камнем преткновения у составителей школьных учебников по истории.

На базе позитивистских методологических установок результаты исторического познания предстают в виде конгломерата разных точек зрения. Не случайно существует суждение, что «у каждого своя правда», и в среде многих современных интеллектуалов оно принимается без всякого сомнения. В самом деле, рассуждают они, разве не свидетельствует война Алой и Белой роз о том, что своя правда была у Ланкастеров, своя – у Йорков, а в иной исторической ситуации – своя у кардинала Ришелье и у

герцога Бекингема? Тем самым вопрос об истинности исторического знания снимается сам собой. Любая «правда», согласно сторонникам этой концепции, есть его истинность.

Но она, эта концепция, уязвима как с методологической, так и с фактологической стороны. Не исключено, например, что при оценке такой известной личности, как советский разведчик Рихард Зорге, найдутся авторы, которые охарактеризуют его по принципу: «с одной стороны», «с другой стороны». Скажут: с советской стороны, он – герой и заслуживает наград и славы, с японской же – шпион, и как таковой справедливо удостоился суровой кары. Следовательно, согласно такому подходу, обоснованны как советская, так и иная, противоположная точка зрения. Однако при мысленном «погружении» в конкретные обстоятельства обнаружим, что эти «правды» не равноценны. Первая связана с борьбой против человеконенавистнической политики фашистской Германии и её союзников, вторая есть олицетворение этой политики и потому заслуживает не только неприятия, но и осуждения (что и было сделано на Нюрнбергском процессе).

Тем самым намечается непосредственный, как бы лежащий на поверхности, критерий истинности отображения хода истории – совокупность ценностей, совпадающих с интересами и ожиданиями всего человечества в данную эпоху. Опосредованно, более глубоко за ними стоят факторы, имеющие основополагающее и решающее значение – движение общества по восходящей линии, открывающее возможности для раскрытия творческих, существенных сил всех и каждого человека в отдельности. Только на этом пути возможна историография как действительная, не вульгаризированная наука.

Однако не все эрудиты готовы принять эту истину. Некоторые считают, что предыдущая историография представила прошлое белорусского народа в искаженном свете, и потому требуется ее коренное переосмысление. Якобы истину следует искать, освещая проблемы этногенеза белорусского этноса, становления и развития его государственности, культуры, взаимоотношений с соседями, освободительной борьбы не с общечеловеческой, а с национальной точки зрения [1, с. 528]. При этом «национальная точка зрения» без всякой аргументации выдается за объективную.

Однако такой подход методологически не состоятелен. Диалектика учит, что интерпретация хода событий лишь с позиций отдельного, особенного, притом произвольно взятого, дает, как правило, одностороннее, искаженное отображение действительности. «Собственный» взгляд на исторические события может оказаться объективным, но лишь тогда, когда он совпадает с научной, то есть интерсубъективной, независимой от мнений и пристрастий субъекта, методологией (кстати, такая методология существует; это методология, основу которой составляет концепция материалистического понимания истории и продуктивность которой блестяще продемонстрировали К. Маркс и Ф. Энгельс в таких шедеврах исторической мысли, как «Капитал», «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта», «Гражданская война во Франции» и пр.).

Первостепенную роль в получении адекватной информация о прошлой жизни играют исторические первоисточники. Но не всякое описание есть

факт. Факт – это такое единичное, которое выражает свой собственный общий тип. Известный философ Э. В. Ильенков писал: «Для научного познания важно не просто единичное как таковое, как нечто абсолютно неповторимое, однократное, то, что Гегель назвал «дурной единичностью» (скажем, цена отдельного на рынке для политической экономии или цвет волос государственного дебатера для политики), а только такое единичное, в котором выражаются строение и развитие определенной конкретной действительности» [2, с. 103]. Выделение и исследование такой единичности дает в ряде случаев больше, чем индуктивное обобщение множества эмпирических данных. Рабство, например, существовало и в Древнем Риме, и в Киевской Руси. Но для понимания этого феномена берется Древний Рим, поскольку именно там, а не в Киевской Руси, рабство раскрылось во всей своей сущности, как всеобщее, в то время как в Киевской Руси оно существовало лишь в виде уклада, не приобрело классических черт и не стало основой производства.

Ориентация же на собственную национальную точку зрения, как и на ту или иную частную идеологию, не выражающую сути всеобщего, может привести лишь к вульгарным представлениям об историческом процессе и породить, в конечном счете, их польский, украинский, российский, белорусский или прочие варианты с далеко идущими последствиями, что, как показывают нынешние события в Украине, вовсе не безобидно.

В заключение отметим, что для уяснения вопроса об исторических «правдах» фундаментальное методологическое значение имеет следующее высказывание К. Маркса: «Так называемое историческое развитие покоится вообще на том, что новейшая форма рассматривает предыдущие как ступени к самой себе и всегда понимает их односторонне» [3, 732].

Список использованных источников

1. Нарысы гісторыі Беларусі: у 2 ч. / М. П. Касцюк, У. Ф. Ісаенка, Г. В. Штыхаў і інш. – Мінск: Беларусь, 1994. – Ч. 1.
2. Ильенков, Э. В. Единичное / Э. В. Ильенков // Философская энциклопедия. – М., 1962. – Т. 2.
3. Маркс, К. Введение (Из экономических рукописей 1857–1858 годов) / К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. – 2-е изд. – М., 1958. – Т. 13.

УДК 1.11:17

СУЩНОСТНЫЕ ЧЕРТЫ ФИЛОСОФИИ ОБРАЗОВАНИЯ С. ГЕССЕНА

И. В. Гребешев

Российский университет дружбы народов, г. Москва, Россия

В статье определяются сущностные черты философии образования С. И. Гессена. Руководствуясь идеей принципиальной важности философских оснований педагогики как «прикладной философии», С. Гессен концептуально обосновал философскую природу педагогического знания и опыта, органическое единство философии и образования. Устанавливается,